

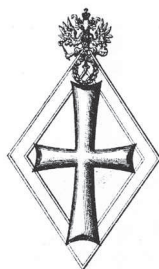
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт российской истории

А.Е. Иванов

МИР РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Конец XIX – начало XX века

Очерки

Москва • Новый Хронограф • 2010

Моей семье:
Нинель Алексеевне Томилиной,
Александрю Анатольевичу Иванову

Предисловие

Предлагаемая вниманию заинтересованного читателя книга завершает трехтомное, продолжавшееся с 1995 г. историко-культуроведческое исследование российского студенчества конца XIX – начала XX в. Его историографический смысл – в детальном социокультурном портретировании сообщества учащихся высшей школы Российской империи – «квинт-эссенции интеллигенции», по понятийно-исчерпывающему определению одного из авторов знаменитого сборника «Вехи» А.С. Изгоева¹. Это определение, вопреки идейному смыслу, который подразумевался его автором, можно считать дефиницией к социологической характеристике российского студенчества постреволюционного призыва в стадии его наиболее выраженной профессиональной, духовной, общественно-политической социализации согласно назревшим вызовам России эпохи трех революций. Словом, адаптации «к тем внешним рамкам, какие господствуют в стране»².

Исследовательская сверхзадача этого трехтомного труда – в том, чтобы реально оценить, каким интеллектуальным богатством в лице «старого студенчества» (определение большевиков) обладала Россия в канун октябрьского слома. Ведь из этой молодежи должно было выработаться то «множество элит» (политических, административных, народнохозяйственных, научно-педагогических, литературно-художественных), которым предстояло стать коллективным провозвестником и интеллектуальным двигателем политической, социально-экономической, культурной модернизации по европейской модели российского общества, задавленного глыбой самодержавия.

По своим методологическим основаниям проблематика этого долговременного проекта укладывается в историографическое направление «Социальная история локальных групп, ассоциаций, сообществ, корпораций»³. Ограниченные

¹ Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи (заметки об ее быте и настроении) // Вехи. Интеллигенция в России. 1909–1910. М., 1991. С. 192. Более употребимым аналогом этого понятия А.С. Изгоев считал его модификацию – «интеллигентная молодежь».

² Вернадский В.И. Указ. соч. С. 8.

³ Репина Л.П. Новая историческая наука и социальная история. М., 1998. С. 64.

пределы этих ячеек общества предоставляют исследователю возможность более пристального и детального рассмотрения внутреннего мира человека, его жизненных представлений, мировоззрения, социального поведения, присущих среде, частью которой он является. В нашем случае – молодого «человека академического» в «природном» социуме студенческой корпорации. На этой почве, полагал В.И. Вернадский, «строится и растет, главным образом, основная сторона человеческой мысли»¹.

В русле данного направления свое место занимает неотъемлемая тема «школьной жизни» (в западной терминологии – schooling). В ней сфокусирована социальная история высшего образования и науки, включая и проблематику нашего трехтомия. В уже опубликованных монографиях² исследован, во-первых, процесс формирования всероссийского контингента учащихся высшей школы конца XIX – начала XX в. соответственно их сословно-ментальной настроенности на получение определенной профессии; во-вторых, количественный, половозрастной, социальный (сословный), национальный, вероисповедный состав студенческого сообщества; в-третьих, уровень материально-бытовой обустроенности разных студенческих групп (слоев); в-четвертых, типологические формы институциональной самоорганизации студенчества (академические организации, корпоративная пресса, «самопереписи»); наконец, в-пятых, его общественно-политическая (идейная) самоориентация.

Содержание новой книги логически замыкает круг этих проблем теми сюжетами повседневного бытия студенчества, которые характеризуют его как корпорацию молодой интеллигенции с собственной субкультурой умственного труда, эстетических представлений, духовности, стилистики межличностных отношений. Вот эти сюжеты:

Самой специфической достопримечательностью интеллектуальной жизнедеятельности дореволюционного студента можно считать наличие в ней постоянной «академической» составляющей или учебной повседневности: его участие в учебном процессе, причины и мотивы пропуска занятий, нарушения внутренних распорядков учебного заведения, формы ответственности за это, коммуникация с профессорами (на лекциях, в аудиторных и надомных (у профессоров) семинарах,

¹ Вернадский В.И. Указ. соч. С. 8.

² Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999; Он же. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. К ним примыкает наша последняя монография «Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века». (М., 2007. 434 с.). В ней затронуты те же проблемы в приложении к «еврейской диаспоре» российского студенческого контингента.

во время неформальных с ними бесед и домашних журфиксов и проч.), их рейтинг в студенческой среде (научно-педагогический, личностный, гражданский); взаимоотношения с учебной администрацией, персоналом низших служителей.

Существенная часть студенческой повседневности отдавалась досугу (интеллектуальному и развлекательному), который протекал в научных и культуртрегерских кружках, за чтением научной, художественной, общественно-политической литературы, периодики (в библиотеках и дома), включал в себя посещения театров и всевозможных театральных увеселений (кафе-шантан, оперетка и проч.), кинематографа, художественных выставок, устройство благотворительных спектаклей, концертов, музыкальных вечеров, деятельность студенческих оркестров и хоров. В досуговую практику входили и земляческие «вечеринки», и азартные игры, и винопитие. Кульминацией студенческих развлечений представляются праздники и главнейший из них – годичный акт каждого высшего учебного заведения.

Специфический колорит повседневности студенчества придавали характерные социально-психологические черты его общества. Они выражались в строе и ситуациях товарищеского общения, в его приоритетах и системах статусов (материальный достаток, сословное происхождение, интеллект, качество учебы, кругозор, лидерство, физическое развитие), в неписаном кодексе студенческой чести (и деятельности судов чести), в нравах и обычаях, царивших в студенческом сообществе. Свою существенную роль в общественной презентации студенчества играла мода (демократическая и аристократическая).

Социально-психологическое портретирование студенчества включает в себя и изучение (насколько это позволяют источники) его душевного настроения: депрессий, суицидальных порывов, вспышек коллективного негодования, массового энтузиазма.

Духовный и душевный мир российского студенчества выражался в отношении к «личному Богу» (вера и безверие), к женскому и национальному равноправию (в сфере академической и в общегражданском смысле). В этих аспектах миропонимания особенно явственно проявляется общечеловеческий и общегражданский строй внутреннего мира молодой российской интеллигенции конца XIX – начала XX вв.

Особое место в бытовой культуре студенчества принадлежало так называемому «половому вопросу». Со всеми своими таинствами и опасностями он бурно обсуждался в российском обществе, особенно после первой русской революции. В сфере субкультуры молодой интеллигенции входило и ее отношение к браку (церковному и гражданскому), семейной жизни и деторождению.

Все эти сюжеты растворены в очерках, из которых состоит книга. Если оценить ее историографическую новизну, то она достаточно высока, но не абсолютна. Ее проблематика коррелируется с содержанием талантливо написанной монографии, посвященной «особой культуре людей Казанского университета» (профессуры и студенчества) на протяжении всего XIX в. и по сегодняшний день¹. Для нашего исследования этот фундаментальный труд стал кладом впервые публикуемых фактов из повседневной жизни одного из старейших русских университетов (основан в 1804 г.) и оригинальной авторской трактовки некоторых из них.

Как и предшествующие наши монографии о студенчестве, продолжающая их проблематику новая базируется на тех же типах источников. основополагающие среди них в данном исследовательском случае – эго-документы (мемуары, дневники, эпистолярная и материалы студенческих социологических опросов («самопереписи»). Их фактографический потенциал бесценен. За ними по степени информационной значимости идут: студенческая периодика (журналы, газеты), документы официального делопроизводства, наконец, произведения художественной литературы, принадлежащие перу современников и участников исследуемых событий. Существенна и роль иконографических источников. Книга плотно «населена» типизированными образами героев повествования – студентов. Фотодокументы живописно конкретизируют их словесные портреты.

Безмерно благодарен первым взыскательным читателям рукописи этой книги: Е.Ю. Зубковой, Б.С. Илизарову, Т.Ю. Красовицкой, А.И. Аксенову.

Признателен друзьям, щедро поделившимся со мной богатствами своих коллекций изобразительных документов – О.Б. Вахрамеевой, Е.А. Вишленковой, Д.А. Гутнову, Г.Р. Назиповой, В.А. Соломонову и, конечно же, Т.Н. Жуковской, составившей для меня подборку копий из раритетов фонда Музея истории Санкт-Петербургского университета.

---

¹ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. (далее – Вишленкова А.А. и другие) Terra Universitatis. Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005.